

Тоска по родине. Повесть. Сочинение М. Н. Загоскина. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

Тоска по родине. Повесть. Сочинение М. Н. Загоскина. В. Г. Белинский

Появление каждого нового романа г. Загоскина – праздник для российской публики. Едва узнает она, что любимый ее романист собирается ей сделать подарок, – она уже опускает нетерпеливые руки в карман; едва подарочек появится в книжных лавках – и уже нет его, уже он весь расхвачен, и российская публика, вынув обе руки из карманов, крепко держит ими три или две новенькие, изящно изданные книжечки. Одним словом, российская публика смотрит на г. Загоскина, как на своего писателя, да и г. Загоскин обращается с нею откровенно, запросто, по пословице – что на уме, то и на языке. Потому-то и романическая слава его утверждена на прочном основании. Публика не хочет и знать, что говорит о нем критика: она знает его сама, а на критику смотрит, как на непризванного судью в чужом семейном деле. Критика сперва было косилась на романы г. Загоскина, но после, увидев, в чем дело, положила себе за правило говорить о его романах заодно с публикою. И хорошо делает!

В самом деле, для успеха на литературном поприще довольно одного таланта, а г. Загоскин, кроме несомненного и притом сильного таланта, одарен еще и этою теплотою души нараспашку, которая свойственна только одному русскому человеку, и полон интересов, всем равно доступных, умея притом высказывать их хотя несколько и однообразным, но тем более всем равно доступным манером. Основная идея его романа – необходимость любви к отечеству и уважение ко всему отечественному. Конечно, всякая мысль, которая является вне художественного и литературного интереса, самостоятельно и особно от формы, принимая ее совершенно случайно, не как необходимое условие своего осуществления, но как средство высказаться, – такая мысль неизбежно делается отвлеченною и мертвою, а романы, порожденные ею, дидактическими; и давно уже решено, что дидактическая поэзия – род фальшивый и чуждый вдохновения, – но этого несколько не должно относить к мысли, проповедуемой г-м Загоскиным: она так близка к сердцу каждого и сама по себе является столь интересною и обольстительною, что никогда не утратит своей силы над душами, как бы ни была странна и неудовлетворительна ее форма.

И романы г. Загоскина служат лучшим доказательством этого: несмотря на то, что г. Загоскин исчерпал всю глубину своей задушевной идеи, выказал ее нам со всех сторон, так что мы не знаем, что он будет говорить в своем новом романе, если вздумает написать его, – несмотря на это истощение дотла, его романы, благодаря согревающей их идее, всегда принимаются за новые, сообразно с годом, который выставляется на их заглавном листке.

Новый роман г. Загоскина отличается теми же недостатками, или, если угодно, теми же достоинствами, какими отличались прежние его романы. Постараемся заметить эти достоинства. Хотя роман давно уже прочтен российскою публикою, однако мы необходимо должны изложить, сколько можно короче, его содержание, чтобы представить нашим читателям данные, на которых основываем свое суждение о нем, и чтобы напомнить его тем, которые уже успели забыть его или смешать с другими романами того же автора, что очень возможно по однообразию их идеи и одинаковости рассказа.

Владимир Сергеевич Завольский, ныне отставной гвардии штабс-капитан, есть герой нового романа г. Загоскина; он сам рассказывает трогательную и поучительную историю своей жизни. Этот Завольский однажды катался на катере с другом своим, Иваном Алексеевичем Бурминым, лейтенантом балтийского флота. По приказанию Бурмина катер направился от Гагаринской пристани на Крестовский, между тем как приятели вели разговор, из которого мы узнаем, что Завольский отправляется завтра за границу, именно в Испанию, ибо он выучился по-испански, чтобы читать «Дон Кихота» в подлиннике, а не на восток, куда он собирался прежде и где ему пришлось бы таскать с собою переводчика. Сверх того, он в особенной страсти от Андалузии, в которой, как ему рассказывал друг его, англичанин, и шнуровок не знают, потому что каждая женщина создана так, что уж тут нечего делать никакой корсетнице. Во время этой амикальной конверсации{1} небо нахмурилось, и с Ладожского озера пахнул резкий ветер, а за катером, шагах в десяти, плыл на ялике капитан-лейтенант Красноярский, большой чудак и нелюдим, у которого есть сестра от одной с ним матери, но от разных отцов и розно с ним воспитанная. Вдруг мимо катера проплыл зеленый дамский ридикюль; Завольский схватил было его, да как-то поскользнулся и упал в воду; но Красноярский вытащил его из воды,

Тоска по родине. Повесть. Сочинение М. Н. Загоскина. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
лишенного чувств. Завольского сломила горячка, а Красноярский уехал в Любек; ридикюль же сделался собственностью первого. В ридикюле был батистовый платок, на уголку которого вышиты литеры S и L, желтая атласная ленточка, черепаховая бонбоньерка с мятными лепешками, хрустальный флакончик с спиртом, уксус четырех разбойников{2} и записочка на русском языке, которая была так размыта водою, что едва можно было прочесть несколько несвязных отрывчатых фраз и слов; из этих слов можно было заключить, что у владетельницы ридикюля есть возлюбленный, которому она в этой записке назначила rendez-vous[1]. Прежде отъезда за границу герою романа надо было побывать в Москве. Эта поездка дала ему повод вспомнить прежнюю гадкую дорогу между Москвою и Петербургом и сравнить ее с нынешним прекрасным шоссе; а это воспоминание и сравнение дали ему повод к энергической выходке против тех, которые упрямо и нелепо не хотят замечать успехов цивилизации и просвещения в своем отечестве. Энергическая выходка подала повод к поэтической аллегории о России. Но о том и другом скажем после, чтобы не прерывать нити занимательного рассказа. В Москве Завольский отправился гулять на Воробьевы горы, пришел в восторг от местоположения, которое в самом деле так неизъяснимо очаровательно, что совсем не нужно ни быть записным патриотом, ни нападать на французский язык и французские обычаи, чтобы восхититься им. Тут герой увидел толстого купца, который под дубом пил чай с еще толстейшею розительницею своею и тремя разурмяненными дочками. Завязался интересный разговор, дышащий любовью к родине и нерасположением к Кузнецкому мосту; купец запотчевал было чуть не насмерть Завольского чаем, а тот насилу ушел. Жаль, что автор здесь не воспользовался случаем описать сожительницу-то: баба толстая, говорит дишкантом и предобрая, – вот все, что мы узнаем о ней от автора; а полсамовара, ведра в три объемом, который она влила в свою поместительную утробу; а пот, крупными каплями катившийся с красного, как вареный рак, лица в блюдечко, грациозно поддерживаемое под носом всею пятернею, – это уж дополняйте сами... Потом Завольский попал в какой-то сад и заплутался в лабиринте так, что выбился из сил, а выхода не нашел, хотя сначала и с некоторого иронической улыбкою взглянул на дощечку с подписью: «Вход в лабиринт». Тут бы ему и умереть голодною и лютою смертию, и занимательному роману не бывать; но вдруг он находит на дорожке женские перчатки, а в двух шагах от себя за густым шпалерником слышит женские голоса. Это была тетушка с племянницею, которую она называла «Сонюшкою». Любезный Завольский перекинул им перчатки, о которых они говорили, а они сказали ему, как выйти из лабиринта. Надо прибавить, что голос у «Сонюшки» был так сладостен и благозвучен, как только может быть у героини романа, и что герой оного, слушая его, «весь превратился в слух и притаил дыхание, чтобы не проронить ни одного слова». Когда он вышел из сада, то у ворот его увидел карету, к которой подходили две дамы, вероятно, те самые, с которыми он так заочно познакомился; естественно, что он ускорил шаги, чтобы увидеть ту, которая его очаровала своим «ангельским» голосом, но опоздал: кучер погнался лошадей – и след простыл.

Княгиня Любская навязала Завольскому в Москву двухпудовую посылочку к какому-то Кукушкину, который, в благодарность за верную доставку, пригласил его к себе. Этот Кукушкин – генерал и большой чудак, несколько похожий и на Богатонова, и на Ижорского{3}, и на других героев комедий и романов г. Загоскина. Он страстный охотник до живописи, в которой ровно ничего не смыслит, разоряется на картины, которыми его надувает русская народная промышленность, и замучил Завольского своею картинною галерею. Прихожая Кукушкина похожа на притон воров и разбойников; пьяные и оборванные лакеи сорвали с Завольского шинель, а один сбил его с ног и заставил растянуться на полу – в доказательство неоспоримого превосходства чисто русских обычаев над европейскими. Кукушкин знакомит гостя с женою и племянницею. Надобно сказать, что «ангельский» голосок не выходил из головы у бедного Завольского; он влюбился в него насмерть и советовался с своим лакеем Никанором (с которым мы после познакомим наших читателей: он второе лицо в романе), при каком лице можно иметь такой голос; но ни сам он, ни Никанор ничего не решили. Когда он стал подходить к ручке барышни (это было еще далеко «до француза»{4} – в начале текущего столетия), то весьма сконфузился, «с трудом мог выговорить два-три слова и сказал совсем не то, что хотел сказать». Эта барышня – Софья Николаевна Ладогина. Лишь только она заговорила... «Боже мой! этот голос»... и прочая. Кузьма Петрович приглашает его сделаться москвичом, говоря: «Ведь у нас здесь рай земной». Завольский пользуется случаем сделать претонкий намек на впечатление, которое произвела на него прекрасная обладательница «ангельского» голоса, и с таким приличным обстоятельству восторгом воскликнул: «О, вы совершенно правы! здесь точно рай земной!», что Софья Николаевна «вдруг вспыхнула и стала еще прекраснее». Наконец он открывается ей, кто тот «кавалер», которому она обязана возвращением своих перчаток, и окончательно влюбляется. Тут

Тоска по родине. Повесть. Сочинение М. Н. Загоскина. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
вошла Федосья Юрьевна Костоломова с сестрицею, и между ими и хозяйкою, Марьею Ивановною, болтуньей в высшей степени и обожательницею мосек, пошли сплетни и толки. Чрез несколько минут приехали Агриппина Карповна Морганцева и племянница ее, стройная «барышня» лет восемнадцати, с грустным выражением лица. Так как Софья Николаевна называла ее Любовью, то Завольскому и нетрудно было догадаться, что это та самая приятельница, с которою она была в саду.

Кукушкин пригласил Завольского к себе на дачу. Тут есть несколько провинциальных сцен, мастерски написанных, – но о них после. Когда Завольский подъезжал к селу – барыни переспорились чуть не до слез, утверждая, что это тот или другой их знакомый; одна Софья Николаевна узнала безошибочно, что это Завольский; Кукушкин сдуру и скажи ему это, а он, встретясь с барышнею в саду поутру, и начал отпускать разные этакие намеки, чтобы поразведать, любит ли его та, которую он «обожал» еще за один голос. «Как вы думаете, – говорит он ей, – можно ли отсюда узнать в лицо, если кто выйдет на террасу?» Барышня покраснела, а он себе на уме – хитрец такой! Она ему сказала, что узнала его не потому, чтобы рассмотрела в лицо, а потому что желала его видеть. «Не знаю, – говорит герой романа, – можно ли умереть от радости; но задохнуться, онеметь и сойти с ума очень можно: я это испытал на себе. Я чувствовал, вся кровь бросилась к моему сердцу, в глазах потемнело, я не мог дышать, не мог говорить, и слава богу! В эту минуту я точно был сумасшедший и заговорил бы такой вздор, что испугал бы до смерти Софью Николаевну». Но вот следует разочарование: Софья Николаевна говорит ему, что она и Любинька ожидали его с большим нетерпением, потому что он так любезен, что с ним так весело, тогда как все их соседи так несносны своим невежеством и грубостию.

Уф! каким обдало меня холодом.. Так вот за что меня ласкают! Вот почему желали, чтоб я приехал!.. Глупец! я это отгадывал, я знал наперед, что меня любят просто как забаву, как развлечение, и, несмотря на это, готов был верить.. О, женщины, женщины! самая лучшая из вас не стоит ничего! она рада одурачить бедного мужчину, свести его с ума, погубить его будущность, и все это для того, чтобы ей не было скучно!.. Какой отвратительный эгоизм!.. Уеду, непременно уеду! Разумеется, – замечает Завольский, – я не говорил, а думал все это, идя подле Софьи Николаевны{5}.

Взглянув на нее украдкою, он заметил, что вся она пылала; но и этого было мало для его догадливости. Вот они увидели капельмейстера, который удил рыбу, – и сардонический Завольский пользуется случаем завести аллегорический разговор о карасях и окунях, намекая ими на мужчин и говоря, что он не любит жестокой забавы – удить рыбу. Софья Николаевна с милою наивною спрашивает его, уж не верит ли он переселению душ?

– Нет, Софья Николаевна, – отвечает ей взволнованный Завольский, – я только не понимаю, что за утеха подцепить на железный крючок и вытащить на берег бедную рыбу, которая может страдать физически точно так же, как и мы все страдаем. К тому ж в этой жестокой забаве есть что-то лукавое, предательское: этот поплавок, который, как шпион, следит и выказывает мне все движения моей жертвы; эта приманка, под которой скрывается смерть.. знаете ли, что она мне напоминает? Улыбку коварной женщины, когда она хочет, для своей забавы, вскружить голову, то есть погубить какого-нибудь глупца, который думает, что его любят, потому что он сам имеет дурачество любить.

И что же? На эту страстную, патетическую выходку, достойную какого-нибудь Шекспира, Софья Николаевна ответила наивным вопросом: «Да разве есть такие женщины?» и этим напомнила нам бессмертный вопрос, сделанный Дездемоною Эмилии: «Разве есть женщины, которые изменяют своим мужьям?»{6} Конец этого поэтически интересного разговора был удовлетворителен: уж Софья Николаевна начала было открываться в своем нежном чувстве, как приход Любиньки положил конец этой чувствительной сцене, и Завольский начал беседовать сам с собою о необходимости достоверно и досконально узнать, точно ли любит его Софья Николаевна, справедливо замечая, что «неизвестность хуже всего на свете». – «И что это за жизнь? – глубокомысленно размышлял он. – Это не жизнь, а непрерывная пытка! Я чувствую, мне душно под открытым небом, меня давит воздух, земля горит подо мною.. Да не лучше ли во сто раз тому, кто должен расстаться с жизнью, умереть вдруг, чем томиться медленною смертию, умирать понемногу, по частям, умирать каждую минуту?.. Нет! нет! один громовый удар – и все кончено!..» Монолог, достойный Отелло!.. Советуем нашим читателям обратить особенное внимание на разговор Завольского с Софьею Николаевною по поводу ее чтения «Матильды»{7} (стр. 180 и 185 первой части). Вот какой был конец этого интересного разговора: говоря о том, сколько раз он был обманут притворною любовью женщин, Завольский

Тоска по родине. Повесть. Сочинение М. Н. Загоскина. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru заключил: «Но если б та, которую выбрало мое сердце и которая неспособна ни к какому обману, если б она намекнула мне только, что моя любовь ей не противна – о! с каким бы восторгом я ей поверил, с какою б радостью (тут он взял Софью Николаевну за руку) назвал бы я ее моей женою, моим другом, посвятил бы ей всю жизнь мою!..» Софья Николаевна побледнела, рука ее задрожала, но она не отняла руки своей. «Если б она, – продолжал страстный Завольский, – забыв все эти приличия, которые так смешны, когда дело идет о счастии всей жизни, шепнула мне: «И я также люблю тебя»...» Уж Софья Николаевна опустила свои длинные ресницы, уже пламенный Завольский готов был, как следует, упасть к ногам ее, – вдруг входит Кукушкин и начинает Завольскому читать басню своего сочинения, а мамзель Софи убегает.

У Кукушкина бал в деревне. Это одно из интереснейших мест романа: оно полно тех карикатурных сцен нашего общества, которое так мастерски рисует г. Загоскин. Завольский гуляет по саду и в кустах находит бумажку, демон любопытства заставляет его прочесть ее, вопреки внушению совести. Вот содержание записки: «Я здесь, мой милый друг! Чрез полчаса я буду тебя дожидаться в дубовой роще подле швейцарской хижины»... Боже мой! знакомая рука... Вспомните *billet doux*[2] в зеленом ридикюле, а литеры S и L на платке должны означать не другое что, как Софью Ладогину... Какой ужасный свет! Неистовый Завольский заряжает свои дорожные пистолеты, берет их с собою, идет подсматривать и подслушивать randevу и прячется под густым рябиновым кустом. Он видел, как пришла вероломная, как обнял ее злодей; сердце его но билось; кровь застыла в жилах; он ухватился за сучья, чтоб не упасть. Великий боже, они сговариваются бежать!.. Ее кличут – она уходит; враг в двух шагах от Завольского; но он рассудил, что вся вина на ней, коварной женщине, которая, любя одного, обманывала другого, и что соперник его ни в чем не виноват. К довершению ужаса, когда незнакомец повернулся к нему лицом, он узнает – Красноярского, который спас его от смерти... Какая ужасная, потрясающая сцена в шекспировском роде! Завольский приказывает Никанору, своему лакею и поверенному в любви, укладываться, а к Софье Николаевне пишет записку, при которой возвращает ей ридикюль и желает счастья с Красноярским, прося ее сказать ему, что он, Завольский, тот самый, которому он спас жизнь. Отдав все это кому-то из холопей, он тихонько уезжает из деревин Кукушкина. До сих пор еще нет «тоски», до сих пор все забавно. Настоящая «тоска» начинается со второй части, в которой мы застаем Завольского уже за границею, тоскующего по родине. Он заметил очень много и годного и смешного в Англии, во Франции и в Испании; но то и другое принадлежит уже к «делам давно минувших дней, к преданьям старины глубокой»[8]. От начала первой до 210 страницы второй части мы читаем журнал путешествия Завольского, который относится к целому роману, как эпизод, не имеющий с ним никакой связи и никакого отношения. На 210 странице, в главе IV, Завольский рассуждает о трудности сказать что-нибудь новое о юге и его роскошной природе: по его мнению, на русском языке нет ни одной фразы, ни одного поэтического восклицания об этом предмете, которого нельзя б было найти в «Кавказских очерках» Марлинского. В самом деле, знатные очерки! что слово, то фраза или восклицание – и все с восклицательными знаками!![9] Но, как бы в противоречие себе, Завольский приводит два поэтические места из описания благословенной природы Малороссии, Гоголя[10], дышащие всею роскошью художественной жизни, и хотя он приводит их как пример простодушного удивления автора природе Малороссии, но завистники находят, что эти две выписки, занимающие собою едва ли две страницы, – лучшие места в романе. Что касается до собственных описаний природы испанской, именно андалузской, – они блестят ее яркими, ослепительными красками, – и кто их прочел, тому незачем ездить в Андалузию, тот уже ничего нового не увидит в ней...[11] и Завольский живет в маленьком городке Альмери, на берегу моря. Начальник городка – прекраснейший человек и очень полюбил сенора русиано, а жена его просто влюбилась в него и в отсутствие мужа объяснилась с ним в любви своей. Завольский, разумеется, как благородный человек и верный рыцарь, отверг ее любовь. За этою доньей волочится один испанский кабалерро, ростом чуть не с версту, с огненными черными глазами и свирепым лицом. Он вызывает Завольского на дуэль; но этот иностранец оказывается подлецом и трусом, и тем лучше отделяется благородство и храбрость русского человека. Видя, что угрозами не возьмешь, он подкупает разбойников. Завольский гулял в леску; вдруг слышит пение, прислушивается – нет, это не испанские звуки: это русская песня, это целый хор песенников; они поют «Вниз по матушке, по Волге». Вдруг на Завольского нападает рыжий детина (известно, что все разбойники рыжие – это их привилегированный цвет волос), Завольский отскочил и прицелился в разбойника пистолетом.

Тогда появился другой разбойник – пистолет осекся, и Завольский очутился на

Тоска по родине. Повесть. Сочинение М. Н. Загоскина. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
земле, под ножом разбойника. Потом вдруг раздался выстрел – разбойник убит, а Завольский окружен русскими матросами, и перед ним стоял – Красноярский. Воспоследовало объяснение, по которому Завольский узнал, что Софья Николаевна – сестра Красноярскому, от одной матери, но разных отцов, что он не мог с нею видаться по причине ненависти к нему Кукушкиных, бывших во вражде с его отцом; что он любил Любиньку, на которой и женился, а приезжал тогда на дачу для того, чтобы увезти ее; что Софья Николаевна «обожает» его, Завольского; что его отъезд чуть не убил ее. Герой наш возвращается в Россию, – и в эпилоге романа мы видим его уже почтенным филистером, из сентиментальной поэзии перешедшего в прозу брака, которую разрешаются все пресно-сладенькие чувствованьица. Из этого изложения читатели могут видеть, что в новом романе г. Загоскина три главные стороны. Первая – патриотическая, где он нападает на карикатурных европейцев, этих жалких крикунов, которые вечно недовольны ничем в своем отечестве и видят хорошее только за границей, а за нею ничего не могут понять, кроме достоинства гостиниц. В нападках г. Загоскина на этих господ видно много энергии и жара, – много истины и соли; но не слишком ли увлекается ими наш талантливый романист? не придает ли он им больше значения и важности, нежели сколько они имеют того и другого, и вообще не преувеличивает ли он дела, по себе очень пустого и ничтожного? Во-первых, эти господа нисколько не опасны, а только смешны – на них показывают пальцами и их относят к разряду Хлестаковых; а по воробьям из пушек не стреляют, даже не тратят и мелкой дробин. Они были в моде назад тому лет десятка два, но теперь они – анахронизмы, да и число их со дня на день уменьшается, чему, между прочими причинами, были и благородные усилия самого талантливого г. Загоскина. Поэтому автор невольно впадает в крайности и вредит достоинству своего романа. Да и вообще нам кажется, что все должно иметь свою меру и свои пределы и что одно и то же прискучает, обращаясь в общие риторические места.

Вторая сторона нового романа г. Загоскина – любовь Завольского и Софьи Николаевны Ладогиной, – и сторона блестящая, как то можно ясно видеть из нашего изложения. Кому покажется эта любовь конфектной и пресновато-сладковатой, того просим вспомнить, что в прошлом веке, к которому, по своему воспитанию и образованию, принадлежат герои «Тоски», иначе любить не умели. Автор изобразил объективно эти пошленькие чувствованьица, всю эту бурю в стакане воды, и его объективное изображение есть в то же время и мастерское в высшей степени изображение.

Третью и самую блистательную сторону нового романа г. Загоскина составляет ряд картинок в теньеровском роде^{12}, в которых его талант не имеет себе соперников. Не можем отказать себе в удовольствии выписать для образчика две из них. – Во время стола у Кукушкина гремит оркестр, составленный из доморощенных виртуозов.

Сначала все шло изрядно; но под конец флейты стали оттягивать, корнет запищал, валторны заревели нелепым голосом, а фагот стал сопеть так отвратительно, что меня мороз подрал по коже.

– Эй, филька, шалишь! – закричал Кузьма Петрович. – Алешка, фомка!.. вот я вас!.. фагот, фагот! опять закутил!

Капельмейстер махал, махал своей палочкой, топал ногою, подымал обе руки вверх и наконец начал бить такту по головам своих духовых инструментов, которые вышли решительно из всякого порядка.

– Стой! – закричал Кузьма Петрович. Музыканты перестали играть. – Что это, батюшка, Алексей Андреич, – продолжал он, обратись к капельмейстеру. – Что у тебя духовая-то музыка?

– Помилуйте, ваше превосходительство! – завопил несчастный Мордоченко. – Что мне делать с этими разбойниками? фаготист Антон лыком не вяжет, фомка чуть жив с похмелья, а фильке как можно играть на валторне: он сегодня подрался в кабаке! Извольте посмотреть, как у него разбиты губы! Ну какому тут быть амбушюру?

– Негодяи! гони их вон! Уж я с ними переделаюсь! Да нельзя ли без них хоть польский какой?

– Сейчас, ваше превосходительство.

– Ну вот, Владимир Сергеевич, – продолжал хозяин, – заводи оркестр! Скоты!.. Никакого самолюбия, никакой амбиции!.. Канальи!.. Посмотришь, в чужих краях любо-дорого! Музыкант так уж музыкант! А здесь... экой народец!.. Срамники!.. Я не сказал, а подумал про себя: «Правда! В Германии, например, кто музыкант, тот уж точно музыкант; да зато ведь там какой-нибудь Кукушкин не возьмет крестьянина от сохи и не скажет ему: «Ты мужик высококи – катай на контрбасе! Ты плечист – дуй в валторну! У тебя передние зубы целы – играй на фаготе!» А есть ли у тебя охота или нет, об этом тебя и спрашивать не станут.

Тоска по родине. Повесть. Сочинение М. Н. Загоскина. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Наконец, лакей и поверенный в любви и во всех намерениях своего барина, Завольского, принадлежит к числу тех слуг, которые привязаны к барину. Он, как мы уже сказали, второе лицо в романе. Во время пребывания Завольского в Лондоне Никанор приходит однажды с разбитою харею.

– Где ты был?

– Вот там, сударь, на площади, в харчевне. Я пошел туда пообедать; гляжу – народу много. В одном углу стоит порожний столик; сел, стукнул ножом, и мне тотчас подали каравай хлеба, часть говядины да кружку пива. Вот я сижу себе да ем; вдруг откуда ни возьмись какой-то приземистый и толстый мусью в синем сюртуке, стал против меня, да и ну зубы скалить, да говорить: «френч-дог! френч-дог!» – «Что такое? – подумал я. – Уж не хозяин ли это? Видно, спрашивает, хорош ли стол?» Я кивнул ему головою и говорю: «Славная, хозяин, говядина – славная!..» А он так и умирает со смеху. Вот подсел ко мне матрос и начал говорить со мною по-русски – плохо, а разобрать можно. Он, изволите видеть, долго жил в Петербурге. «Послушай, камрад, – молвил я, – что этот краснорожий-то все ухмыляется, да говорит мне – френч-дог? Что это по-нашему?» – «Да не хорошо, – сказал матрос. – Он называет тебя французскою собакою». – «Как так? за что. Ах он толстый черт! Скажи-ка, брат, ему, чтоб он отваливал, а не то ведь я как раз зубы пересчитаю». Матрос пробормотал что-то по-своему. Гляжу – этот буян сертук долой, да и ну рукава засучивать. «Э, брат! так ты хочешь разделаться по-нашему! Изволь, я не прочь! И я долой мою куртку. Вот все сбежались и стали около нас кружком. Мы вышли друг против друга; толстяк наклонил голову, словно бык, начал вертеть кулаками, делать разные штуки, да вдруг как свистнет меня под салазки... хорошо!.. Я хотел обеспокоить его по становой жиле, да нет – увертлив! Я раз, я два – все мимо; а он шелк да шелк! Ах, черт возьми, досадно! Пстой же проклятый басурман! Вот вижу, что он нарахтитесь съездить меня по роже; я как будто оплошал, а он размахался, размахался, да как хлыст! Я в сторону, да наотмашь-то его царап под самое дыхание. Он и захлебнулся глаза посоловели, руки опустились, а стоит. А я думаю про себя: «Врешь немец, упадешь!» Так и есть: покачался, покачался, да и грох оземь. Вот тут, Владимир Сергеевич, я немного струхнул. Ну как из него душа вон? Ведь уголовщина: возьмут тебя на съезжую... Какая съезжая! У них об этом и слуху нет! Гляжу, все меня обступили, начали жать руку, посадили за стол, да ну-ка потчевать пивом, вином... А вино-то, Владимир Сергеевич, лучше нашего: такое забористое! Я пью, а они кричат по-своему: «Ура!», стучат ногами, шум, гам... ну, нечего сказать – честно поступили! Эх, сударь, жаль, что они по нашему-то не разумеют; а ведь что ни говори – бравый народ!{13}

Может быть, многим некоторые выражения в монологе Федотыча покажутся слишком резкими и уж чересчур народными; но когда же верная копия с природы не бывает несколько грязновата? Только художественное воспроизведение природы, хотя бы самой грязной, блещет эстетическим светом и не кажется диким для образованного чувства.

Заключаем наш разбор замечанием о языке автора: это язык живой, плавный, увлекательный и правильный вместе с этим, а не только мертво-правильный, как в иных компактных изданиях, вылощенных рукою приятеля-грамотея{14}. Желаем от души, чтобы талантливый г. Загоскин подарил публику еще каким-нибудь новым произведением.

Примечания

Тоска по родине. Повесть. Сочинение М. Н. Загоскина (с. 481–490). Впервые – «Отечественные записки», 1839, т. VI, № 11, отд. VII «Современная библиографическая хроника», с. 118–131 (ц. р. 14 ноября; вып. в свет 15 ноября). Без подписи. Авторство установлено на основании письма к Боткину от 22 ноября 1839 г., в котором Белинский писал: «Каково я отдал Загоскина?» Белинский был очень доволен своим ироническим отзывом о романе Загоскина, в то время занимавшего высокий пост (был директором московских императорских театров).

Сноски

1 свидание (франц.). – Ред.

2 любовную записку (франц.). – Ред.

Комментарии

1 Амикальная конверсация – дружеская беседа (от франц. conversation amicale).

2 Уксус четырех разбойников – особое блюдо, которое предохраняло от заразы и

Тоска по родине. Повесть. Сочинение М. Н. Загоскина. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru которое многие дамы постоянно носили при себе после эпидемии чумы в 1831 г.

3 Богатонов – главное действующее лицо двух комедий Загоскина: «Богатонов, или Провинциал в столице» (1817) и «Богатонов в деревне, или Сюрприз самому себе» (1826), Ижорский – один из героев романа «Рославлев, или Русские в 1812 году» (1831).

4 То есть до войны с Наполеоном и заграничных походов русской армии, когда русские дворяне еще не были достаточно осведомлены в правилах светского этикета, позволяющего мужчине целовать руку («подходить к ручке») только замужней женщине, но не девушке («барышне»).

5 В этой и следующей цитатах курсив Белинского.

6 «Отелло» Шекспира (д. IV, сцена 3).

7 «Матильда» – роман Поль де Кока.

8 См.: «Руслан и Людмила» Пушкина, песнь третья.

9 Развернутый отзыв о произведениях Марлинского, в том числе и о «Кавказских очерках», см. в статье о «Полном собрании сочинений А. Марлинского» (наст. изд., т. 3).

10 На с. 212–213 второй части романа Загоскина цитируется начало второй главы повести «Майская ночь» и начало второй главы повести «Сорочинская ярмарка».

11 Будучи в Москве в апреле – июне 1839 г. (до отъезда в Казанскую губ.), И. И. Панаев присутствовал на чтении Загоскиным своего романа «Тоска по родине», о чем рассказал Белинскому. Панаев так вспоминал об этом литературном чтении у Аксаковых: «Чтение началось со 2-й части... Я сидел возле С. Т. Аксакова. Под текучий и гладкий слог Загоскина я было забылся на минуту... Вдруг этот приятно усыпляющий слог превратился в живой язык, повеявший свежестию и силою: описывалась малороссийская ночь... Я евольно вострепнулся... Место действия романа в Испании, – как же тут попала малороссийская ночь?... Я не разобрал вдруг, но вскрикнул неволью:

– Как хорошо это!

Сергей Тимофеевич дернул меня с улыбкою за рукав.

– Что это вы? – шепнул он мне, – ведь это он приводит иронически отрывок из Гоголя, замечая, что если уж так описываются малороссийские и очи, то как же описать испанские?..

После описания какого-то испанского города Сергей Тимофеевич перебил чтение и спросил у Загоскина:

– Да как же ты это так хорошо и подробно описываешь наружность испанских городов, никогда не бывав в Испании?

Загоскин положил рукопись на стол, взглянул на Аксакова через очки, наклонив немного голову, и отвечал очень серьезно:

– А на что же у меня, милый, лукутинские-то табакерки с испанскими видами?..» (Панаев, с. 159).

Позже, в 1841 г., в рецензии на роман «Гусар, или Каких дивных приключений не бывает на свете!» Белинский отмечал, что в «Тоске <по родине>» «Англия и Испания точно как будто списаны с какой-нибудь картинки на табакерке» (Белинский, АН СССР, т. IV, с. 568).

12 В творчестве фламандского живописца Давида Тенирса Младшего (его фамилия во времена Белинского произносилась и писалась как «Теньер») большое место занимают картины из быта крестьян и горожан.

13 В цитате курсив Белинского.

14 Намек на романы Булгарина, стилистическую правку которых осуществлял Греч.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакии buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет

Тоска по родине. Повесть. Сочинение М. Н. Загоскина. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!